

На правах рукописи

Антушева Мария Александровна

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПИНЕЖСКИХ ГОВОРОВ

10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2010

Работа выполнена в словарном отделе
Института лингвистических исследований РАН

Научный руководитель	доктор филологических наук главный научный сотрудник Мызников Сергей Алексеевич
Официальные оппоненты	доктор филологических наук доцент Васильев Валерий Леонидович, кандидат филологических наук доцент Тарасова Марина Алексеевна
Ведущая организация	Вологодский государственный педагогический университет

Защита состоится 4 июня 2010 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.055.01 при Институте лингвистических исследований РАН по адресу: 199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, д. 9.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института лингвистических исследований РАН.

Автореферат разослан 4 мая 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

В. В. Казаковская

Диссертационное исследование посвящено описанию лексических особенностей пинежских говоров. В русской диалектологии изучение говоров Архангельской области имеет давние традиции. Пинежские говоры также исследованы детально на всех уровнях языка. Однако самый подвижный пласт — лексика — не исследовался в полной мере. Изучение пинежской лексики велось в основном традиционными методами, включающими в себя следующие аспекты описания: семантический (Г. Я. Сими́на, А. Д. Сыщико́в, Н. В. Хохло́ва, Л. В. Савелова и др.), морфологический (Г. Я. Сими́на, Н. В. Самородова и др.), словообразовательный (Г. Я. Сими́на), этимологический (Я. Саарикиви), а также лингвогеографический анализ (В. Я. Дерягин, Л. П. Комягина). При этом диалектологические исследования интерпретируют лингвистические наблюдения, опираясь на этнографические особенности региона.

Выбор лексики пинежских говоров в качестве объекта изучения определяется несколькими причинами. Пинежье является маргинальным районом Архангельской области, отдаленным от крупных городов, поэтому население в большей степени сохранило традиционную материальную и духовную культуру, а также диалектные особенности речи. Кроме того, население Пинежья неоднородно по своему составу (коренное нерусское население и пришлое русское население).

Актуальность исследования.

В настоящее время материалы, собранные диалектологами и этнографами, дают возможность подойти к комплексной характеристике пинежских говоров, так как созрела необходимость интегрированного описания говоров в контексте истории, языка и культуры всего Русского Севера. В данной работе предпринимается попытка многоаспектного анализа лексического состава пинежских говоров как с позиций традиционной диалектной лексикологии, так и в русле этнолингвогеографии. Описание частных лексических систем позволяет создать общую характеристику русской диалектной лексики, а это является одной из основных задач современной диалектологии.

Целью диссертационной работы является комплексный анализ лексики пинежских говоров (тематические группы «Крестьянская усадьба», «Сельскохозяйственная лексика» и «Транспортные средства»). Цель достигается путем решения следующих **задач**:

- выявление словообразовательных моделей, характерных для представленных в работе диалектных слов, а также степени продуктивности отдельных словообразовательных элементов;
- уточнение этимологии анализируемых слов;
- анализ семантических особенностей лексики указанных тематических групп;

- диахронный анализ рассматриваемых слов;
- лингвогеографический анализ на фоне территории Архангельской области (по возможности, всего Русского Севера и других регионов России).

Объектом исследования в данной работе является лексическая система пинежских говоров. **Предмет** исследования — особенности лексики традиционной материальной культуры.

Материалы и источники. Материалом исследования является диалектная лексика тематических групп «Крестьянская усадьба», «Полеводство», «Сенокосение», «Сани» (800 лексических единиц, из которых проанализировано 530 единиц). Основным материалом по теме исследования собирался полевым методом с 2000 по 2008 гг.¹ Для сбора материала использовались следующие вопросники и программы: «Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» (1994), «Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка» (1947), «Вопросник для изучения современного состояния архангельских говоров» (2001).

Помимо полевых данных использовались материалы картотек АОС², АИДС³ и картотеки Г. Я. Симиной⁴, из которых методом сплошной выборки было отобрано 1800 лексических единиц по теме исследования, проанализировано 600 единиц. Кроме того, в процессе исследования были учтены материалы картотеки СРНГ⁵, данные региональных словарей («Архангельский областной словарь», словари Ал. Подвысоцкого, Г. И. Куликовского, П. А. Дилакторского, И. С. Меркурьева, Н. С. Ганцовской, «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарь говоров Русского Севера», «Словарь вологодских говоров», «Словарь русских говоров Низовой Печеры», «Новгородский областной словарь», «Псковский областной словарь», «Ярославский областной словарь», «Словарь русских говоров Поволжья», «Областной словарь вятских говоров», Акчимский словарь, «Словарь пермских говоров», «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа»). В ходе исследования привлекались данные этимологических и исторических словарей.

Лингвогеографический анализ пинежских говоров, осуществленный в диссертационном исследовании, базируется на работах Г. Г. Мельниченко, Л. П. Комягиной, В. Я. Дерягина, А. Ф. Войтенко, С. А. Мызникова, а также авторов ДАРЯ и ЛАРНГ.

¹ Далее сокращенно ПДО (полевое диалектологическое обследование).

² Картотека Архангельского областного словаря хранится в Поморском государственном университете им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск).

³ Картотека Архангельского историко-диалектного словаря, ПГУ (г. Архангельск).

⁴ Картотека пинежских говоров Г. Я. Симиной передана автором на хранение в Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург).

⁵ Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 1–41. — Л.: Наука, 1966–2007.

Были использованы также этнографические работы по Русскому Северу: «Русские: историко-этнографический атлас», «Русский Север: проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики», «Русский Север: этническая история и народная культура XVII – XX вв.» и др.

Методы исследования. При сборе материала использовался метод полевого диалектологического исследования (непосредственное наблюдение и интервьюирование). Для анализа лексики использовались описательный, сравнительно-сопоставительный, лингвогеографический и ареальный методы.

Научная новизна работы заключается в следующем. Введены в научный оборот новые сведения по пинежским говорам: зафиксировано расширение ареала для ряда известных диалектных лексем, отмечены новые словообразовательные единицы, зарегистрированы лексико-семантические варианты.

Впервые осуществлен комплексный этнолингвистический анализ тематических групп «Крестьянская усадьба», «Полеводство», «Сенокошение» и «Транспортные средства».

Проведен внутрирегиональный этнолингвогеографический анализ пинежских говоров.

Осуществлен сопоставительный лингвогеографический анализ лексики пинежских говоров на фоне архангельских говоров.

Определено место пинежской диалектной лексики в лексической системе говоров Архангельской области и макроструктуре русских говоров.

Теоретическая значимость. Исследование генезиса лексического состава пинежских говоров позволяет проследить специфику их формирования.

Представленный лексический анализ дает возможность более детально осветить проблему членения говоров Архангельской области.

Комплексные методы исследования могут быть использованы при лингвогеографических и ареальных исследованиях диалектов отдельных регионов.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для создания тематического регионального словаря, а также при составлении диалектных словарей и регионального атласа. Диалектные лексические и лингвоэтнографические данные могут быть полезны при чтении лекций историко-филологического цикла, проведении практических занятий, спецкурсов и спецсеминаров, в которых рассматриваются вопросы лексикологии, диалектологии, лексикографии, лингвогеографии и т.д.

Апробация работы. Основные результаты исследования были представлены на ежегодном Всероссийском диалектологическом совещании «Лексический атлас русских народных говоров» (2006 – 2008 гг., г. Санкт-Петербург), а также отражены в публикациях.

На защиту выносятся следующие положения: 1. В лексической системе пинежских говоров отразились языковые особенности коренного населения Русского Севера, языковое влияние древних колонизаций, а также соседних диалектов и языков.

2. Пинежские говоры представляют собой диалектную лексическую систему, в которой выделяются черты, общие для всех говоров Архангельской области.

3. Лексика говоров Пинежья неоднородна по своему составу с точки зрения лексической манифестации реалий материальной культуры и поддается ареальной дифференциации.

4. Ареальная дифференциация лексики архангельских говоров обусловлена историей заселения территории Архангельской области. В лексическом составе архангельских говоров фиксируются следы новгородского и ростово-суздальского потоков, а в говорах Пинежья отражено влияние преимущественно новгородского наречия.

5. В пинежских говорах в данных тематических группах представлена преимущественно исконно русская лексика, иноязычное влияние проявилось незначительно.

Объем и структура диссертации. Работа объемом 321 стр. состоит из Введения, четырех глав, Заключения, библиографии (198 наименований) и двух приложений, которые включают алфавитный словоуказатель и список обследованных районов Архангельской области.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор темы и объекта исследования, определяется актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются цели и задачи исследования, описываются применяемые при анализе лексики методы.

Кратко освещается история заселения Русского Севера, в частности, Пинежья, а также перечисляются основные этапы истории изучения архангельских говоров. Причем под названием архангельские говоры понимаются дифференцированные группы говоров Архангельской области (Беломорье, Каргополье, Пинежье, юго-восточные говоры, бассейны рек Мезени и Онеги). Являясь генетически разными, данные говоры имеют общие черты, которых со временем становится больше.

В **первой главе «Лексика крестьянской усадьбы»** представлен семантический, словообразовательный, этимологический, исторический, лингвогеографический и ареальный анализ лексических манифестантов, выявленных в результате полевого диалектологического обследования. Выбор данной группы слов не случаен. Лексика крестьянской усадьбы наиболее архаична, устойчива, по ней можно судить о генезисе слов самого говора. Значительную часть рассмотренных лексических материалов составляют существительные, а

также отмечаются субстантивированные прилагательные (*перёдняя, низкая*) и глаголы (*заложить(ся), закладывать(ся)*).

В **первом параграфе** рассматриваются наименования помещений и частей крестьянского дома; во **втором** анализируется лексика, обозначающая внутреннее убранство, части окон, дверей, крыши и системы отопления крестьянского дома; **третий параграф** посвящен описанию наименований надворных построек; в **четвертом** описываются названия замков и запоров; в **пятом** — изгородей и их частей. Следует отметить, что рассматриваются не родовые названия изгороди, а специализированные, то есть анализируются наименования изгородей, сооруженных особым способом, для огораживания пастбищ, полей, стогов и др. Особое место занимает слово *прясло* ‘сооружение в виде изгороди для сушки снопов, сена’, поскольку оно не обозначает изгородь в прямом смысле.

Большая часть лексики, рассмотренной в данной главе, фиксируется в памятниках русской письменности с XVII, а порой и с XII вв. Это связано с колонизацией и ранней историей крестьянского жилища на Русском Севере, а также с историей традиционных изгородей (бытовая лексика является наиболее устойчивым пластом словарного состава говоров). Тип дома-усадыбы, в котором жилые и хозяйственные постройки расположены под одной крышей, является основным видом жилья на территории Архангельской области и в наши дни. Однако существуют различные варианты его устройства, что затрудняет семантический анализ лексики данной тематической группы. Так, в результате вытеснения двухэтажного крестьянского жилища одноэтажным изменилось расположение и назначение некоторых помещений. Большая часть слов изменила свою семантику в сторону сужения. Например, лексема *взвóз* ‘бревенчатый настил’, ‘подъем от реки на гору’ [СлРЯ XI — XVII вв., 2, 144] в современных говорах утратила второе значение; диалектизм *завóры* из многозначного стал однозначным, сохранив только более позднюю семантику: ‘часть изгороди, где жерди убираются для проезда и прохода’ [СлРЯ XI — XVII вв., 5, 157; ПДО]. Зафиксирован процесс расширения семантики. Так, полные синонимы *окóнница* и *окóльница* (‘оконная рама’, ‘кусочек прозрачного материала, слюды, стекла и т.п., вставляемый в переплет оконной рамы’ [СлРЯ XI — XVII вв., 12, 334–336]) в говорах Пинежья приобрели новую семантику ‘рама’, ‘оконное стекло’, ‘ставни’. А слово *переды́зье* ‘сени’ [СлРЯ XI — XVII вв., 14, 239] стало обозначать ‘коридор, сени’, ‘площадку перед амбаром’ и ‘место под крыльцом’. Отмечен сдвиг значения в результате метонимического или метафорического переноса, в частности, слово *зímница* ‘место зимнего временного поселения в лесу, поле; зимовье’ [СлРЯ XI — XVII вв., 5, 389] в современных говорах употребляется в значении

‘жилое помещение крестьянской избы, где проводят зимний период времени’ [ПДО¹]; *сволочо́к* ‘потолочная балка, матица’ [СлРЯ XI — XVII вв., 23, 194] в пинежских говорах имеет значение ‘переплет оконной рамы’ [ПДО]. Небольшая группа слов сохранила исконную семантику: например, *перекле́тье* ‘крыльцо амбара, помост, площадка перед дверью’. В основном все анализируемые слова функционируют как полисемичные: они либо обладают несколькими значениями в пределах одного говора, либо противопоставляются по семантике в различных диалектных лексических системах. Зафиксированные противопоставления могут быть связаны с историей заселения области или расположением древних торговых путей.

В пинежских говорах нередко отмечаются явления внутрорегиональной синонимии. В частности, можно выделить синонимические пары (*подкле́т* = *поды́збица*; *задо́ски* = *шо́льныш(а)*; *перёдня* = *го́рница*; *обно́сы* = *зы́мза*; *ды́мник* = *души́к*; *уроси́ха* = *ке́лья*; *перекле́тье* = *переды́зье*) и синонимические ряды (*зы́мница*, *зимо́вка*, *зимову́ха* = *бок*, *бокова́(я)*, *бокову́ха*, *бокову́шка* = *за́дня(я)*; *подкле́т* = *поды́збица* = *кле́ть* = *го́рница*). Среди них выделяются синонимы-дублиеты и синонимы, отличающиеся друг от друга оттенками лексического значения.

Однако для наименований замко́в, запоров и изгородей не характерно наличие синонимов. Тематическая группа «Замки и запоры» немногочисленна, поскольку на Пинежье до сих пор не принято закрывать дома и хозяйственные постройки на замок. Если к двери приставлена палка (*при́ставка*), значит в доме никого нет, и никто не посмеет зайти, пока не появятся хозяева. Все замки и запоры имеют символическое, условное значение, что находит отражение в лексической системе пинежских говоров.

В рассматриваемой группе слов отмечен случай изменения рода с мужского на женский: слово *переты́к* ‘расстояние от одного столба до другого в изгороди для сушки снопов, сена (в прясле)’ фиксируется в памятниках русской письменности и в незначительной части говоров, *переты́ка* отмечается в этих же говорах и во всех остальных. Других вариантов данного диалектизма не зарегистрировано. Очевидно, наблюдается переходный этап смены рода: женский род постепенно вытесняет мужской.

В диахронии не все слова сохранили свой внешний облик, в говорах отмечаются фонетические, морфологические и деривационные варианты. Кроме отмеченных типов вариантности, выделяется вариантность, вызванная процессами народной этимологии, происхождением мотивированной внутренней формы. Так, лексема *поды́збица* (варианты *поды́мница*, *поды́зменца*) ‘помещение на первом этаже крестьянского дома’ в

¹ Материалы, собранные автором диссертации в процессе полевого диалектного обследования.

некоторых пинежских говорах употребляется в значении ‘чердак’, возможно, народная этимология связывает данное слово с глаголом *подыматься*. Согласно народной этимологии, слово *келья* образовано от диалектного глагола *кэлить* в значении ‘дразнить, сердить, обижать, доводить до слез, хныкать, капризничать’ (идентичное значение имеет глагол *уросить*), поскольку в *кэлью*, *уросіху* (полные синонимы) хозяин дома уходит жить, когда обижается (*кэлит*, *уросит*) на жену.

Следует выделить деривационную вариантность, причем под деривационными вариантами понимаются разные реализации одного и того же слова, отличающиеся морфемами. В лексике пинежских говоров, связанных с крестьянской усадьбой, используются уменьшительно-ласкательные суффиксы (*подклéток*, *клéтка*, *передóк*, *передóчек*, *гóренка*, *око́ленка*, *сволочо́к*), хотя зачастую они не носят оттенка уменьшительности. Среди них особо выделяется суффикс *-ишк-* (*клеті́шко*), характерный для севернорусских говоров: присоединяясь к существительным женского рода, он меняет их род на средний. Примечательно, что для названий замко́в, запоров и изгородей характерна устойчивость их внешней формы: в русских говорах регистрируется небольшое число вариантов слов, у отдельных диалектизмов они вообще отсутствуют (*залóжка* ‘засов, замок’, *пря́сло* ‘приспособление в виде изгороди для сушки снопов, сена’).

С точки зрения словообразования, большая часть исследуемой лексики производна. Для наименования помещений наиболее продуктивен лексико-синтаксический способ словообразования (от предложно-падежных сочетаний), поэтому внутренняя форма слов ясна и в наши дни (*переды́зье*, *переклётье*, *подклёт*, *поды́збица*, *задóски*, *назём*, *пóдволока* и др.). Для группы «Изгороди» характерен безаффиксный путь словообразования: *за́сека*, *о́сек*, *переты́ка* и др. Для большинства слов значение ‘изгородь’ является вторичным: все они раньше обозначали различные предметы и понятия, имеющие то или иное отношение к использованию или созданию изгородей. Ближайшая этимология этих названий прозрачна, но отмечаются и такие наименования, которые в настоящее время воспринимаются как немотивированные: например, слово *пря́сло*. Для словообразования во всех тематических группах используется суффиксальный способ (*уросі́ха*, *ды́мник*, *гóрница*, *прі́ставка*, *око́нница*, *сволочо́к*, *вертлюжо́к*, *залóжка*, *закла́дка* и др.). В пинежских говорах часты суффиксы *-j-* (*остóжьье*, *переды́зье*, *переклётье*, *подклётье*, *поды́земье* и др.) и *-к-* (*залóжка*, *закла́дка*, *сті́чка*, *прі́ставка* и др.). Значительно реже используются приставочный и приставочно-суффиксальный способы образования. Примечательно, что большая часть проанализированных существительных относится к отглагольным. Из

рассматриваемых словообразовательных моделей, характерных для пинежской диалектной системы, можно выделить следующие:

- 1) глагол, обозначающий процесс запираания ворот, дверей, → существительное, обозначающее предмет, с помощью которого совершено это действие (*закі́д, прі́ставка, закла́дка, зало́жка* и др.);
- 2) глагол, обозначающий процесс построения изгороди, → предмет, который появился в результате этого действия (*за́сека, о́сек* и др.);
- 3) существительное с семантикой временного отрезка или месторасположения + суффикс *-нищ-* → существительное со значением 'помещение, которым пользуются в определенное время года или которое отличается особым расположением в доме' (*зі́мница, го́рница*).

В этимологическом аспекте из всего корпуса рассматриваемых слов несколько диалектизмов являются заимствованными (*(с/ш)о́льныш(а), зы́мза, бу́гра*), большинство же относятся к исконно русской лексике. Происхождение диалектизма *(с/ш)о́льныш(а)* спорно. С. А. Мызников отмечает что «ареальная дистрибуция данного материала, от Онежского озера до Северной Двины и Пинеги, говорит все же о прибалтийско-финском происхождении слова. <...> Причем в некоторых случаях возможно разграничение прибалтийско-финских источников в отношении различных диалектных русских вариантов. <...> Варианты с начальным *шолн-, шовн-*, вероятно, результат карельского влияния. Варианты *шобуша, шомбуша, шомша* <...> относятся к карельскому воздействию. <...> Варианты *шоноша, шомаша* и т.п., отмеченные на востоке обследованного региона, возможно сопоставить с коми *шона, шонаув* 'помещение для очага в овине', соотносимых с фин. *huone* 'комната' <...>» (РДЭС¹). Этимологии слова *зы́мза* «...восходит к коми ижем. *сымзы* 'шесты, устанавливаемые в чуме стоймя для подвешивания крюков над костром'. На коми почве данная лексема также неисконна, ср. ненец. *сымзы* 'вертикальный шест внутри чума, к которому прикрепляются концы поперечных шестов для подвешивания крюков над костром'...» (Там же). Лексема *бу́гра* является прибалтийско-финским словом, фиксируется в карельских диалектах, но направление заимствования остается под вопросом (Там же).

С точки зрения ареального аспекта описания, можно выделить такие группы слов, как общеславянская лексика (*клéть, ды́мник, пото́ка, го́рница, заво́ры* и др.), восточнославянская лексика (*пола́ти, пове́ть* и др.), общерусская лексика (*подклéт, поды́збища, перéдня(я), назéм, взво́з, по́дволока, око́льница, око́нница, стомя́к, спи́чка* и др.), севернорусская лексика (*вертлюжо́к, сволочо́к, бу́гра* и др.), архангельская (*обно́сы, прі́ставка* и др.) и собственно пинежская лексика (например, *задóски, нízка(я), уросі́ха*).

¹ Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. Рукопись.

Следует отметить, что большинство слов рассматриваемых тематических групп в архангельских говорах распространены повсеместно. Однако география слов *за́дня(я)*, *зимо́вка* (или *зи́мница*, *зимову́ха*), *око́льница*, *зало́жка*, *зало́жить* и география значений слова *назе́м* позволяет подтвердить направление каргопольско-плесецко-онежско-холмогорско-пинежско-мезенских изоглосс (по р. Онеге в Северную Двину и далее в р. Пинегу), отражающих древнейшую новгородскую колонизацию.

Во **второй главе «Сельскохозяйственная лексика»** рассматриваются диалектизмы двух основных видов сельскохозяйственной деятельности в традиционных приемах хозяйствования с использованием ручного труда — полеводства и сенокосения. В условиях крестьянского быта явления и реалии долгое время сохранялись без существенных изменений. Этим объясняется устойчивость местной диалектной лексики. В работе выделяются названия орудий труда, используемых для молотбы и укладки снопов, а также наименования устройств для сушки сена и колосьев, видов кладки снопов.

Лексика обеих тематических групп существует в говорах давно (первые упоминания в письменных источниках относятся к XV — XVII вв.), поскольку полеводство и сенокосение являются основными видами трудовой деятельности крестьян. На Пинежье эти виды работ появились после новгородской колонизации, до этого времени местные племена занимались рыболовством и охотой. В связи с научно-техническим прогрессом некоторые реалии утратили свою актуальность и слова обрели новую семантику. Так, слово *колосни́к* в диахронии имело значение ‘настил в солеварне’ [Подвысоцкий, Арх., Онеж., Кем., Пин.], однако в настоящее время солеварение перестало быть кустарным ремеслом, лексема обрела семантику ‘жерди в овине для просушки жита’.

В исторической перспективе сохранили семантику названия кос (*горбу́ша* ‘коса с изогнутой короткой ручкой’; *лито́вка* ‘коса с длинной прямой рукоятью, обычно отлитая из стали’). Расширилась семантика некоторых слов, обозначающих различные сушильные сооружения. Например, слово *осто́жье* с конца XVI века имело три значения ‘изгородь вокруг стога сена или кладки хлеба’, ‘земельная мера, покос, дающий стог сена’, ‘специально оборудованное место (с подмостками) для хранения стогов сена и кладей хлеба’ [СлРЯ XI — XVII вв., 13, 153]. В современных пинежских говорах к этим значениям добавились новые: ‘жерди изгороди’, ‘воткнутые в землю жерди, между которыми укладывают сено при сметывании стога’, ‘место в поле, где стоял зимою стог сена’ [СРНГ, 41, 68–71]. У отдельных названий сельскохозяйственных орудий произошел сдвиг значения на основе метафорического или метонимического переноса. Примером может служить слово *при́уз*, которое в XV веке употреблялось в значениях ‘связь, узы’ и ‘перевязь, повязка’ [СлРЯ XI —

XVII вв., 20, 64], а в современных народных говорах имеет значение ‘цеп для молотьбы в виде связанных между собой рукояткой и билом’ [ПДО]. Таким образом, в результате метонимического переноса *приузом* стали называть не связку, соединяющую две части цепа, а сам цеп.

В целом для лексики анализируемых тематических групп не характерна полисемия, поскольку бытовая лексика, как правило, однозначна. То же можно сказать относительно синонимии. Можно выделить две синонимичных пары: *вёшала*=*грядка* ‘приспособление, состоящее из длинной жерди (жердей) на двух столбах (или козлах) для развешивания с целью просушки сетей, снопов зерновых или льна, реже сена’; *стойка*=*литовка* ‘коса с длинной прямой рукояткой, обычно отлитая из стали’.

Об архаичности рассматриваемых слов говорит и устойчивость их внешней формы: у значительной части отсутствуют варианты или они имеются в небольшом количестве (*суслон*, *стойка*, *литовка*, *горбуша*, *кичига*). В морфологическом плане примечательно, что для слов характерны формы множественного числа или собирательная форма, так как зачастую они обозначают реалии, которые используются в совокупности (*остожье*, *стожары*, *островы*, *вёшала*). В некоторых говорах формы множественного и единственного числа лексикализировались.

С точки зрения словообразования, рассматриваемые лексемы являются производными. Характерны аффиксальные способы образования: большая часть слов образована при помощи суффиксов (*вёшала*, *колосник*, *литовка*, *горбуша*, *стожары* и др.), некоторые слова образованы приставочным или приставочно-суффиксальными способами (*приу́з*, *приу́зьё*). Особо следует выделить архаичную приставку *су-* в слове *суслон*, которая свидетельствует о давнем существовании этой леммы.

В этимологическом аспекте все рассматриваемые слова исконно русские, остается нерешенным вопрос о происхождении слова *литунье*, так как сходный материал отмечается в говорах коми (не установлено направление заимствования).

С точки зрения ареального аспекта описания, большая часть проанализированных слов относится к общерусской лексике (*вёшала*, *суслон*, *стойка*, *горбуша*, *кичига*, *колосник*, *остожье* и др.), несколько слов входят в группу общеславянской (например, *приу́з*, *остро́вь*) и восточнославянской лексики (*литовка*). Слово *приу́зьё* является пинежским диалектизмом. В нем представлена одна из характерных для севернорусских говоров фонетических черт: переход [e] в [o] в безударных слогах после мягких согласных.

В пределах Архангельской области выделяется изоглосса, отражающая новгородскую колонизацию. Она прослеживается на примере распространения плоской с загибом на конце

палки для молотбы хлеба (*кичи́га*): каргопольские → плесецкие → онежские → холмогорские → пинежские → мезенские говоры (по р. Онеге в Северную Двину и Пинегу).

Третья глава «Транспортные средства» посвящена анализу лексики, связанной с устройством саней. В программе ЛАРНГ в разделе «Пути сообщения, транспортные средства» имеется ряд вопросов, посвященных изучению специфики средств передвижения в различных регионах. Особенности транспортных средств зависят от многих факторов: от климатических условий, уровня хозяйственной деятельности народа, местных традиций и др.

Все средства передвижения можно разделить на сухопутные и водные. В исследовании рассматривается такой сухопутный вид транспорта, как сани: в работе представлены наименования различных саней и их частей, а также названия устройств, с помощью которых изготавливают сани.

Сани в русских говорах получили различные названия в зависимости от их назначения или устройства. На Пинежье различают *розвалёнки* ('детские санки с креслами'), *кренёвы* ('сани из кривой ели'), *крёни* ('летние сани'), *пошевни* ('сани с креслами и сиденьем для кучера') и др. Изготовление саней — целое искусство. Знания о подготовке материала и непосредственном изготовлении саней передается из поколения в поколение.

Дерево для изготовления саней выбирают в зависимости от их вида и предназначения. На Пинежье обычно используют березу или ель: *Из берёзки сáни дéлали. Поло́зья гну́ли. Ёлку не загну́ть, сосны́ то́же. Кренёвы сáни из ёлки дéлали. Из криво́й ёлки. Она рéдко встреча́еца, в ручьё. Така́ пряма́ ёлка не загне́ца. Берёзы тяжёльше* [ПДО, Шардонемь].

Сначала изготавливают части саней. Полозья гнут на *ба́ле*. Стоит остановиться на происхождении данного диалектизма. Форма *ба́ло* возникла при переразложении слова *гибало* 'деревянное приспособление для загибания полозьев' Бокситогор., Чагодощ. [СРГК, 1, 332]. С. А. Мызников считает возможным возводить данную лексему «к праслав. **gъbadlo* 'то, чем гнут, сгибают', производное от **gъbati* 'гнуть'» (РДЭС).

Ба́ло сколачивается из 2-3-х брусьев, так чтобы в ширину получился 1 метр. С одного конца в нем выдалбливается дугообразная форма передней части полоза шириной 9 сантиметров, с другого конца прикрепляется небольшая деревянная труба (*ду́ло*), в которую вставляется палка. Для полоза распиливают березу на 2 или 4 части (если дерево толстое), эти заготовки отесывают и распаривают в черной бане, затем горячими вставляют передней частью в *ба́ло* (в форму) и гнут, постепенно забивая клинья в отверстие между полозом и *ба́лом*. Вершина переднего, загнутого, конца полоза называется *голо́вкой*. Заднюю часть полоза в это же время обвязывают веревкой и стягивают, обматывая веревку вокруг *ду́ла*.

Из небольших деревянных брусочков вытесывают *копылы́* (дощечки-стойки) в расчете 3 – 4 штуки на один полоз, их укрепляют на небольшом расстоянии друг от друга на полозьях (перпендикулярно полозу). Сверху на *копылы́* насаживают сделанный из елки *нащѐп* (длинная планка с отверстиями, расположение которых соответствует расположению *копыло́в*). Передний *копы́л* соединяется черемуховым прутом (*ча́повицей*) с *голо́вкой* полоза. Оба полоза соединяют в нескольких местах. *Голо́вки* скрепляют с помощью березовой связки *говѐнника*. *Копылы́*, расположенные на параллельных полозьях, связываются попарно *вѣзьем* (гибкие прутья из черемухи или ивы). Сверху делается дощатый настил или устанавливаются кресла и козлы.

Из березовых жердей вытесывают оглобли. Для того чтобы прикрепить их к саням, делают *завѐртку*. Черемуховый прут, длиной 1 метр, в диаметре 2 сантиметра, распаривают в черной бане и выют (скручивают) его до 60 сантиметров. Эту *завѐртку* обматывают вокруг переднего *копыла́* и делают петлю с наружной стороны полоза, в которую вставляется оглобля. Так же прикрепляется вторая оглобля.

Все слова тематической группы «Сани» относятся к существительным, за исключением одного прилагательного *кренѐвые* ‘сани из кривой ели’. Причем в пинежских говорах отмечается тенденция к субстантивации данного прилагательного.

Рассматриваемые диалектизмы имеют давнюю историю: они фиксируются в памятниках письменности с XVI века. Сохранение лексики, видимо, обусловлено экстралингвистическими факторами: сани как средство передвижения и перевозки грузов актуальны в сельской местности и в наши дни, поэтому изготовление саней остается кустарным ремеслом, используются традиционные приемы и средства.

В диахронии часть лексики полностью сохранила исконное значение (например, *нащѐп* ‘деталь саней в виде длинной планки с отверстиями, которая насаживается на копылы’). У отдельных лексем наблюдается сужение семантики. Например, у слова *завѐртка* из нескольких исконных значений в пинежских говорах сохранилось только первое ‘петля или кольцо для прикрепления оглобля к саням’, остальные (‘приспособление для запора двери’, ‘обертка’, ‘тупое долотце для завертывания и отвертывания винтов’ [СлРЯ XI — XVII вв., 5, 144]) утратились. Примером сдвига значения в результате метонимического или метафорического переноса может служить семантика слова *вѣзье*. Значение ‘то, чем связывают; веревки, ремни’ [СлРЯ XI — XVII вв., 3, 287] трансформировалось в говорах (‘гибкий прут из черѐмухи или ивы, скрепляющий полозья саней’ [ПДО]).

В тематической группе «Сани и их устройство» привлекает внимание такая особенность, как подробная детализация при наименовании частей саней. Каждая деталь

имеет свое название. По мнению Г. Я. Симиной, это одна из основных черт пинежских говоров [Симиная, 1963]. Другая особенность бытовой диалектной лексики — однозначность: почти все рассматриваемые слова являются моносемантами (*ба́ло, ча́повица, нащѐп, говѐнник* и др.).

Явление синонимии не характерно для представленной группы, фиксируется лишь одна синонимичная пара: *по́шевни = ро́звальни*. Это не полные синонимы, они отличаются оттенками лексического значения.

В анализируемой группе слов отмечаются акцентологические, фонетические и морфологические варианты, однако наиболее распространены деривационные варианты. Употребительны уменьшительно-ласкательные суффиксы *-к-, -ок-*, которые не содержат оттенка уменьшительности (*копы́лки, копыло́к, голо́вка, кренки́*).

С точки зрения генезиса, слово *ча́повица* заимствовано из прибалтийско-финских языков, остальные слова относятся к исконно русской лексике.

В основном рассматриваемые слова являются производными. Преобладает суффиксальный способ словообразования (*кренёвые, голо́вка, ро́звальни, вѣзьѐ, завѣртка* и др.).

В ареальном аспекте большая часть исследуемых слов относится к общерусским диалектизмам (*кренёвые, ба́ло, нащѐп, голо́вка, ро́звальни, вѣзьѐ, по́шевни* и др.), слово *копы́л* входит в группу общеславянской лексики. Среди корпуса слов выделяются севернорусский (*ча́повица*) и архангельский диалектизмы (*крѐни*). Отметим, что к локально ограниченным значениям относится пинежская семантика слова *розвалѐнки* 'детские санки с креслами'. Кроме этого, варианты *вѣзьѐ* и *вѣзьѐ* регистрируются только в пинежских говорах, иллюстрируя две характерные для севернорусских говоров фонетические черты: переход [e] в [o] в безударных слогах после мягких согласных и произношение гласного [a] между двумя мягкими согласными под ударением как [e].

В четвертой главе «Лингвогеографическое изучение пинежских говоров» представлен лингвогеографический и ареальный анализ собранной лексики. Данная глава включает 12 карт (лексические, семантические, словообразовательные, мотивационные и смешанные). В современной диалектологии особое значение имеют работы, в которых лексика исследуется с точки зрения лингвистической географии, так как для большей части словарного запаса говоров не определены ареалы.

По исследуемой территории имеется опыт составления регионального атласа: «Лексический атлас Архангельской области» Л. П. Комягиной. Этот труд в настоящее время является единственным опытом такого рода по исследованному региону, то есть территория

Архангельской области недостаточно обследована с точки зрения лингвистической географии.

Цель картографирования в работе — показать неоднородность пинежских говоров на фоне архангельской диалектной системы на примере лексического и морфемного пластов языка. В проведенном лингвогеографическом исследовании использовался системный подход, который предполагает анализ лексико-семантических групп слов, объединенных по каким-либо признакам (синонимическим, антонимическим, отношения части и целого, общего и частного, предметно-тематические группы). Таким образом, картографируются не только слова, но и связи между ними.

Системный подход при лингвогеографическом изучении представляет собой сложное и многоплановое исследование и предполагает разработку нескольких аспектов: тематические группы слов, лексико-семантические группы, семантическая структура слова и словообразование.

Изучение лексики по тематическим группам давно вошло в диалектологические исследования. Для картографирования используется лексика тематической группы «Части крестьянской усадьбы». В программе ЛАРНГ раздел «Крестьянское жилище, хозяйственные постройки» представлен 681 вопросом. Для лингвогеографического исследования были выбраны следующие вопросы. 1. Часть кухни за дощатой перегородкой. 2. Жилое помещение крестьянской избы, где проводят зимний период времени. 3. Сени, нежилое помещение, разделяющее жилую и хозяйственную части дома. 4. Чердак. 5. Засов, замок. 6. Косяк окна. 7. Наличники окна. 8. Оконная рама. 9. Значения слова *назём*.

Лексико-семантические группы. Возможность составления лингвистических карт существует во многом благодаря наличию в говорах явления синонимии. В рассматриваемом материале только среди существительных отмечаются внутрорегиональные синонимы. Синонимы объединяются в синонимические ряды, однако многозначные лексемы могут квалифицироваться как синонимы разных типов в зависимости от актуализации в них определенного значения. Дублетный ряд включает лексические дублеты, количество членов не менее двух: *задóски* = *шо́льныш*, *шо́льныша* ('часть кухни около печи, отгороженная досками'). Дублетно-синонимический ряд состоит, как правило, из трех компонентов, два из которых находятся в дублетных отношениях, остальные позиции занимают синонимы разных типов: *подклéт* = *поды́збица* = *клéть* ('помещение на первом этаже крестьянского дома, предназначенное для различных целей: для жилья, хранения вещей, продуктов и т.д.') = *го́рница* ('небольшая комната на верхнем или нижнем этаже боковой или задней части дома, обычно используемая для хранения хозяйственной

утвари и для сна летом’). Собственно синонимический ряд включает в свой состав разные типы синонимов, количество членов не менее двух: *з’асека* (‘изгородь из неочищенных от сучьев и ветвей деревьев вокруг пастбища в лесу’) = *’осек* (‘изгородь из кустарника и жердей, отделяющая пастбище в лесу’). Среди синонимических рядов в пинежских говорах преобладают синонимы-дублиеты.

Семантическая структура слова. В данной работе представлены две карты, отражающие ареалы распространения нескольких значений диалектного слова.

Словообразование. Картографирование деривационных средств помогает выявить как общность, так и различия в структуре диалектных слов. Изучение словообразования методами лингвистической географии представляет большие трудности, это наименее изученный пласт диалектной языковой системы. В нашей работе представлены карты, посвященные словообразованию существительных.

Таким образом, системный подход в лингвистической географии предполагает показ на картах многообразия взаимосвязей и разных аспектов системных отношений в лексике и словообразовании с учетом тематической систематизации.

Материалом для нашей работы послужили данные, собранные полевым методом с 2000 по 2008 гг. Кроме того, были использованы данные диалектных русских словарей, картотеки пинежских говоров Г. Я. Симиной и картотеки АОС.

В работе в основном представлены лексические карты, репрезентирующие один и тот же объект номинации. Имеются семантические карты, где в диалектных словах выделяется различная семантика, словообразовательные карты, отражающие употребление вариантов аффиксов при единстве корня и лексического значения, смешанные карты (лексические и словообразовательные особенности) и мотивационные карты, представляющие наименования зимнего жилого помещения, мотивированные его местоположением или временем года. Карты разделены на две части. Первая включает 9 карт, на которых представлены результаты обследования собственно пинежских говоров, девятая карта «Внутридиалектное членение пинежских говоров» является обобщающей. Во второй части представлены 3 карты, на которых отражены пинежские диалектные особенности в макросистеме архангельских говоров.

По картам, на которых отражены особенности пинежских говоров как отдельной диалектной системы, можно сделать следующие выводы: значительная часть проанализированной лексики распространена на территории всего Пинежья, однако пинежские говоры неоднородны по своему составу. В результате лингвогеографического анализа лексики удалось выявить внутридиалектное членение: говоры верхнего, среднего и

нижнего течения реки Пинеги противопоставляются друг другу на разных языковых уровнях.

К экстралингвистическим факторам внутридиалектного членения относится сознательная дифференциация самих носителей диалекта. Так, жители нижнего и среднего течения Пинеги противопоставляют себя жителям верхнего течения реки, называя последних собирательными прозвищами *верховье, верхотá* [ПДО]. В настоящее время не удалось зафиксировать прозвища, которые отражали бы отношение друг к другу жителей среднего и нижнего течения р. Пинеги. Вероятно, такой четкой дифференциации на этом уровне нет по разным причинам: центры обеих территорий (п. Пинега и с. Карпогоры) в истории края не раз были отнесены к разным административным единицам, до сих пор нет постоянного (только сезонный) пути, связывающего два населенных пункта. Противопоставление друг другу информанты проявляют в речевых формулах, которые строятся по схеме «Они ↔ мы».

В говорах верхнего, среднего и нижнего течения реки Пинеги отмечается различная лексическая наполняемость понятий и реалий. К лексическим различиям следует отнести и семантические особенности. Так, слово *назём* употребляется в двух значениях (‘навоз’ или ‘помещение для хранения навоза’), противопоставляя пинежские говоры.

Один из важных критериев, на основе которого членятся пинежские говоры, — словообразовательные отличия. Например, в говорах верхнего течения реки Пинеги продуктивен суффикс *-овк-* (*зимóвка, уросíловка*), по этой особенности говоры противопоставляются остальным (в говорах среднего течения реки Пинеги фиксируются слова *зímница, уросíха*; в говорах нижнего течения отмечается *зимовúха*).

Одной из важных причин неоднородности пинежских говоров является влияние соседних диалектов. Верховье Пинеги издавна связано торговыми путями с территорией, населенной коми, и в настоящее время между ними существуют экономические и культурные связи. Территория среднего и верхнего течения Пинеги соседствует на севере с бассейном Мезени, на западе — с бассейном Северной Двины, поэтому пинежские говоры связаны с мезенскими, лешуконскими, холмогорскими и виноградовскими говорами. Стоит отметить, что население Пинежского района испытывает неодинаковое культурное влияние областного центра, так как путевое сообщение с верховьем Пинеги недостаточно налажено, это тоже одна из причин неоднородности пинежских говоров.

На картах, которые представляют пинежские говоры в макроструктуре архангельских говоров, отчетливо выделяются некоторые изоглоссы и ареалы, отражающие направления русских колонизаций Севера или древнейшие торговые пути. Линия Онега — Емца — Северная Двина от устья Емцы до устья Пинеги — течение самой Пинеги представляет

изоглоссы ранней формации, которые отражают новгородскую колонизацию. На одних картах эти изоглоссы представляют собой сплошной пояс от Онеги до Пинеги, на других наблюдается только цепочка островов, которые тянутся в том же направлении.

Окраинные районы области противопоставлены центру (бассейн Северной Двины). Вероятно, эти ареалы свидетельствуют о новгородской колонизации, однако волнообразное распространение лексических явлений на Двине и Ваге наводит на мысль о длительном соперничестве между Новгородом и Москвой в XIV — XV вв.

На некоторых картах выделяется онежский ареал: бассейн Онеги противопоставляется всей остальной территории.

В **Заключении** сделаны следующие выводы. Лексическая система пинежских говоров формировалась в течение длительного периода. В ней отразились языковые особенности коренного населения Русского Севера, а также влияние ранних славянских колонизаций и соседних диалектов и языков.

Рассматривая собранные материалы с исторической точки зрения, можно выделить следующие семантические процессы, произошедшие в пинежских говорах: сохранение исконного значения; сужение семантики; расширение семантики; сдвиг значения на основе метафорического либо метонимического переноса.

Возможность лингвогеографического анализа обследуемого региона во многом определяется наличием внутрорегиональной синонимии.

В лексической системе пинежских говоров выделяется несколько видов вариантности: фонетическая, морфологическая, деривационная и вариантность, вызванная процессами народной этимологии. В ряде случаев варианты образуют отдельные ареалы, иногда распространены в тех же говорах, что и соответствующие образующие лексемы.

С точки зрения словообразования, большая часть анализируемой лексики производна, наиболее продуктивен суффиксальный способ, употребительны суффиксы абстрактности *-je* или *-jo*. Данная словообразовательная модель складывается самобытно в соответствии с языковыми законами диалекта. Не менее продуктивным является лексико-синтаксический способ словообразования. Благодаря этому способу сохраняется этимологическая прозрачность и мотивированность производного диалектного слова, которые являются основными признаками диалектной лексической системы.

С точки зрения этимологии, большая часть проанализированных слов относится к исконно русской лексике (93%).

В ареальном аспекте большая часть рассматриваемой лексики относится к общерусским диалектизмам, поскольку пинежские говоры не изолированы, хотя и расположены в

маргинальном ареале. Выделяется восточнославянская и общеславянская лексика. Отмечается лексика, зафиксированная только в севернорусских говорах. Некоторые слова имеют ареал распространения в архангельских говорах. Часть анализируемой лексики распространена только в пинежских говорах.

Лингвогеографический анализ позволил составить лексические карты, на которых отражены особенности пинежских говоров как отдельной диалектной системы. Можно сделать следующие выводы: значительная часть проанализированной лексики распространена на территории всего Пинежья, однако пинежские говоры неоднородны по своему составу. В результате ареального анализа удалось выявить внутрдиалектное членение: говоры верхнего, среднего и нижнего течения р. Пинеги.

Основные положения и результаты диссертации отражены в следующих публикациях.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых изданиях и изданиях, определенных Высшей аттестационной комиссией РФ:

1. Антушева М. А. Чем запирают дома на Пинежье // Русская речь. — 2009. — № 4. — С. 87–91.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

3. Антушева М. А. Опыт этнолингвистического исследования пинежских говоров (на примере лексики крестьянской усадьбы) // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2006. — СПб: Наука, 2006. — С. 304–308.

4. Антушева М. А. Наименование частей крестьянского дома в пинежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2007. — Ч. 1. — СПб: Наука, 2007. — С. 77–81.

5. Антушева М. А. Наименование саней и их частей в пинежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2008. — СПб: Наука, 2008. — С. 178–186.